

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.16>

Гашкова Виктория Александровна

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ "ДЖОЗЕФА АНТОНА" С. РУШДИ И "ВОСПИТАНИЯ ГЕНРИ АДАМСА" Г. АДАМСА)

В статье рассматриваются результаты оценки взаимосвязи деривативной структуры автобиографического романа и событий биографии конкретного автора, обусловивших формирование его личности. Эта структура напрямую зависит от морально-нравственных и этических установок конкретного автора. Работа посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме понимания не только поэтики и архитектоники текста, но и его психологии, согласно диалектике целого и частного. В результате получены выводы о степени и принципе влияния психологии конкретного автора на коммуникативную структуру его автобиографической прозы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 76-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов стран зарубежья

Foreign Countries Peoples' Literature

УДК 82.0

Дата поступления рукописи: 04.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.16>

В статье рассматриваются результаты оценки взаимосвязи деривативной структуры автобиографического романа и событий биографии конкретного автора, обусловивших формирование его личности. Эта структура напрямую зависит от морально-нравственных и этических установок конкретного автора. Работа посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме понимания не только поэтики и архитектоники текста, но и его психологии, согласно диалектике целого и частного. В результате получены выводы о степени и принципе влияния психологии конкретного автора на коммуникативную структуру его автобиографической прозы.

Ключевые слова и фразы: автобиографический «пакт»; конкретный автор; личностная целостность; герменевтический круг; субличность; С. Рушди; Г. Адамс.

Гашкова Виктория Александровна

*Балтийский федеральный университет имени И. Канта, г. Калининград
Vifialex91@gmail.com*

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РОМАНОВ ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ «ДЖОЗЕФА АНТОНА» С. РУШДИ И «ВОСПИТАНИЯ ГЕНРИ АДАМСА» Г. АДАМСА)

Целью статьи является оценка повествовательной стратегии автобиографических романов, отличительной чертой которых становится повествование от третьего лица, нарушающее классический автобиографический «пакт», в котором «персонаж не имеет имени, но автор объявил себя безусловно идентичным рассказчику» и не входит в число повествуемых инстанций [18, р. 29]. В соответствии с целью исследования основной **задачей** статьи становится рассмотрение сюжета и композиционных особенностей подобных романов. Результаты исследования являются главным итогом изучения романов «Джозеф Антон» Салмана Рушди [9; 20] и «Воспитание Генри Адамса» Генри Адамса [1; 17]. **Актуальность** работы заключается в том, что такие романы дают учёному возможность более детально и объективно рассмотреть процессы конструирования и реконструкции индивидуальной истории конкретного автора [14, с. 46], а также сделать предположения о возможном благотворном эффекте, который может быть оказан результатами такого воссоздания личностной целостности [16]. В ходе исследования был применён широкий спектр различных методов и подходов, в том числе междисциплинарных. Так, среди ключевых способов познания проблематики автобиографических романов следует выделить принципы герменевтики Альфреда Лоренцера [5], Шлейермахера [21], Рикёра [7; 8], нарратологические концепции Шмида [14] и Лаббока [19], а также ряд идей Зигмунда Фрейда [12] и Анны Фрейд [11] относительно глубинной природы фантазирования и функционирования механизмов человеческого сознания. **Научная новизна** исследования состоит в том, что объединение подобных частных научных точек зрения дало возможность обозначить теорию, объясняющую взаимосвязь между кризисом личностной идентичности конкретного автора и структурой его автобиографического романа, то есть понимать личную историю как особый образ духовного высказывания.

Эта личная история представляет собой сложную систему герменевтических кодов [13]. Она является художественным воплощением герменевтического круга [6, с. 79-80] конкретного автора, отражая не только имманентные его частности, но и трансцендентные [10, с. 694]. «Структурный анализ нацелен не на истинный смысл текста, а на его множественность; поэтому работа наша должна заключаться не в том, чтобы, отправляясь от форм, распознавать, освещать и формулировать содержание (для этого никакой структурный метод не нужен), а в том, чтобы, напротив, рассеивать, раздвигать, приводить в движение первоначально данное содержание под действием науки о формах. Такой метод пойдет на пользу аналитику, давая ему, во-первых, возможность начать анализ, исходя из нескольких хорошо известных кодов, а во-вторых, право отбросить эти коды (преобразовать их) в дальнейшем развитии уже не текста (в тексте все коды прочерчиваются одновременно, в объемном пространстве), но своей собственной работы» [2, с. 411-412]. Некоторые

из этих кодов транслируются в авторское сознание обществом, народными массами через общепринятые нормы морали и права, другие передаются природой, как, например, амбивалентное восприятие мира Генри Адамса:

«Новая Англия пленяла главным образом резкостью контрастов и крайностей» и обусловила повышенную чувствительность конкретного автора к противоположностям, разности его собственного герменевтического круга и совокупности кодов окружающей его действительности. «Удовольствию от ненависти – к себе самому, если не находилось лучшей жертвы, – предавались не так уж редко», что дало начало инстинктивной самокритичности конкретного автора и привело к привычке пристально рефлексировать по поводу собственного опыта, давать ему жёсткие и прямые оценки, являющиеся «подлинным и естественным плодом, родившимся на этой почве». «Интенсивностью контрастов отмечалось все вокруг, и все это воспитывало», и в первую очередь воспитывало в конкретном авторе контрастную двойственность его собственной натуры, разводящую его субличности [15, с. 189-192] по разные стороны сущностной полярности. «Зима и лето, мороз и жара, город и сельский простор, принуждение и свобода определяли два образа жизни и мысли» [1, с. 16], а вместе с тем и два образа «Я» [3, с. 94-128], порождающих амбивалентную идентичность, «уравновешивая» их, одновременно приводя к полной коммуникативной противоположности, поскольку одна из них приобрела в романе форму повествующей инстанции, а другая – повествуемой.

«Воздействие зимы и лета на воспитание Генри Адамса – не плод воображения, в их контрасте таилась важнейшая сила из всех, какие он на себе испытывал; она давила на него постоянно, превратив разрыв между этими двумя загадочными, противоборствующими, непримиримыми противоположностями в развернутую пропасть» [1, с. 13-16], сделавшую его художественное самовосприятие и самопознание далёкими от идеи тождественности.

В сознании Адамса происходит единение социальных кодов с природными, осознаётся причинно-следственный характер их связи. Объясняется это тем, что влияние герменевтических кодов не может и не должно рассматриваться вне диалектики круга как частное, но как взаимозависимая и взаимовлияющая целостность. Процесс постижения и интерпретации биографических фактов напрямую зависит от качества и степени вчувствования познающего сознания в герменевтическое единство принципов формирования личности конкретного автора. Подобная целостность, по Дильтею, состоит из соответствующих частных, среди которых искусство, религия, наука, семья [4, с. 144].

Для личности в ранние периоды её становления одним из центральных факторов развития является фигура человека, на основе отношений с которым устанавливаются первичные понятия об интимности и доверии. Чаще всего это родители, учителя и ближайший круг общения конкретного автора. На основе таких взаимоотношений складываются многие определяющие черты характера. Согласно тексту романа Генри Адамса «Воспитание Генри Адамса», в возрасте 10-12 лет у главного героя появляется потребность в одобрении со стороны своего морально-нравственного ориентира и необходимость в утверждении дружеских взаимоотношений с ним. Таким неоспоримым авторитетом в данном случае становится дедушка маленького Генри, воспитавший в нём принципы самоконтроля и морали как альтернативы физическому воздействию: «Не чуждый здравого смысла, мальчик, надо полагать, признавал, что президент, даже выступив орудием тирании, совершил свое постыдное дело с умом и тактом», которые впоследствии сопутствовали конкретному автору и стали одними из определяющих качеств его натуры. Вслед за своим замечательным дедом повзрослевший Генри Адамс «не выказал ни раздражения, ни гнева, ни предвзятости, не применил физической силы. Более того, не дал воли языку». Каждое слово и всякая оценка в романе тщательно выверены, отчего повествование кажется аккуратным, несмотря на жесткость суждений в принципиальных для автора вопросах [1, с. 21]. Вследствие влияния своего сильного духом деда, а также своего верно ценностно-ориентированного отца в авторе сформировалась открытая к диалогу личность, способная к продуктивной рефлексии и успешному преодолению кризисов.

Влияние семьи в целом и старшего поколения в частности на формирование личности конкретного автора бесспорно, однако осознанность этого влияния представляет порой большую ценность. Спустя 67 лет уже немолодой автор соглашается с тем, что прежде «характер прадеда он воссоздавал, примеряя на себя» [Там же, с. 16].

«Он так и не сумел полюбить стиль девятнадцатого века. Не смог его принять – как и его отец, и дед, и прадед» [Там же, с. 17-18], с которыми Генри Адамс ставит себя на одну линию, обретая с их образами частичную тождественность. Более того, Адамс признаётся «в том, что по какой-то одному богу ведомой причине он родился ребенком восемнадцатого века» [Там же, с. 18], к которому принадлежали его персонализированные морально-нравственные ориентиры [Там же, с. 16-18]. Признать себя человеком века нового – значит отстраниться от них, потерять одну из основ собственной идентичности. Тайна герменевтического круга любой из таких влияющих личностей, встречающихся на разных этапах взросления индивида, является одним из важнейших ключей, при отсутствии которого невозможно продуктивное вчувствование понимающего сознания в понимаемое.

Двойственное самовосприятие конкретного автора в результате стало причиной того, что нарративная структура романа представляет собой диалог Адамса XVIII века, загнанного в рамки его воспоминания о себе как о резиденте давно минувшего столетия, обременённого условиями действительности XIX века, и Адамса, погружённого в комфорт и умиротворение старости.

То, что в случае Генри Адамса на формирование амбивалентной картины мира героя и, соответственно, двойственного самовосприятия конкретного автора оказали наибольшее влияние природные и социальные коды, не обозначает единственно верное понимание процессов генезиса герменевтического круга отдельного индивида. Так, на воспитание Салмана Рушди больше повлияли культурно-философские и религиозные взгляды отца, его политическое самоопределение, а также литературные коды, перешедшие к юному Салману от родителей: «Когда он был маленьким, отец рассказывал ему на ночь великие легенды Востока, рассказывал

снова и снова, переиначивал и переделывал на собственный лад», и это оставило в сознании конкретного автора понимание, «что эти сказания принадлежат ему так же, как отцу и кому угодно вообще, и что все эти истории, радостные и мрачные, о божественном и о земном», и божественные писания, возможно, даже в большей мере, «он имеет полное право – такое же, какое имел отец, – как и когда заблагорассудится переделывать и пересочинять по-новому, предавать забвению и извлекать из небытия, смеяться и радоваться им, жить в них, ими и с ними, своею любовью вдыхать в них жизнь и взамен питать ими свою жизнь». Это признание является одним из главных герменевтических ключей в романе, поскольку объясняет не только многие стилистические особенности, характеризующие творчество Рушди, но и его индивидуальную концепцию бытия, согласно которой «склонность рассказывать делает человека человеком, единственным на свете созданием, рассказывающим себе истории, чтобы понять, что он как создание собой представляет», что открывает перед автором истории безграничные возможности самопознания, поскольку, как уже было сказано, «писать ими свою жизнь» – значит открывать в себе новые, прежде скрытые грани и делать их доступными для понимания. Таким образом, то, что «рассказывание принадлежит человеку по неотъемлемому праву рождения», оказывается, по Рушди, основой целостности любого человека, так как человек существует только тогда и пока он рассказывает (свою) историю [9, с. 31-32].

Таким образом, Салман Рушди заимствует от своего «ориентира» герменевтические коды несколько иного характера, нежели Генри Адамс. Это коды культурно-религиозного, литературно-художественного, философского плана, а не морально-нравственные социальные поведенческие модели. «Анис был безбожником... который многое знал и много размышлял о Боге» [Там же, с. 37], и его отношение к религии распространялось на Салмана. «От отца к сыну передалось убеждение, что обстоятельства рождения ислама интересны и увлекательны постольку, поскольку событие это было историческим и на него, соответственно, повлияли условия того времени, современные ему события и течения мысли» [Там же, с. 38], то есть актуальные герменевтические коды. Таким образом, конкретный автор, работая над текстом Сатанинских стихов, не нарушал никакого внутреннего табу, но следовал базовому принципу взаимодействия с миром, одновременно исполняя задумку отца, руководствуясь своим собственным её пониманием. Реакция мусульманской общечеловечности в результате определила Салмана Рушди как человека, принадлежащего другой реальности, подобно Генри Адамсу, принадлежащему предшествующей ему эпохе. Так повествуемый в романе Рушди-персонаж оказывается запертым во враждебной окружающей среде, в то время как принадлежащий конкретному автору голос повествователя звучит из пределов той реальности, где история свободна от права обладания и прочих условностей. Повествующий Рушди – писатель, в то время как повествуемый Рушди лишён права быть таковым, лишён возможности рассказывать, а значит, основа его личности находится под угрозой. Посредством такого двойственного самовосприятия конкретный автор пытается занять безопасное положение, заполнить пустоту, возникшую в прошлом, некоторой качественно новой идеей сосуществования с враждебной реальностью. Рушди ищет спасения в слове подобно рассказанным ему в детстве отцом сказкам, сочинённым «ради победы над смертью, ради того, чтобы доказать способность слова обуздать и одолеть даже кровожаднейшего из тиранов» [Там же, с. 31]. Здесь важно даже само количественное соотношение употреблённых в романе слов “death” (107), “dead” (88) и “life” (373), “alive” (20). Так рассказанная история ведёт автора в романе к жизни, к исцелению, к целостности.

Концепция смерти важна в разговоре о каждом из обсуждаемых нами романов, поскольку оба конкретных автора столкнулись в своей жизни со смертью так или иначе. Рушди пережил «смерть автора» и описал её в своём романе. Генри Адамс предпочёл выбросить опыт переживания смерти, а именно самоубийство жены, из декларации своего прошлого, отчего в повествовании обнаруживается разлом в 20 лет [1, с. 375]. Причины такого «упущения» инстинктивно понятны всякому понимающему сознанию.

Если герменевтический опыт не соответствует общему характеру круга, он начинает угрожать личностной идентичности конкретного автора. Следствием может стать мимикрия либо деформация прежнего герменевтического круга и последующее новообразование отличного целого. Именно в этом процессе, по нашему мнению, кроется великая философская загадка реальности, которая по сути своей существует исключительно в форме рассказанной истории, то есть постоянно и неизменно подвергается определенной художественной трансформации в процессе индивидуального припоминания. При этом необходимость существования реципиента, пусть даже абстрактного, можно считать интуитивно неоспоримой. Для того чтобы новая реальность считалась действительной, ей необходимы свидетельства и свидетели.

Автобиографическое повествование в этом смысле можно считать универсальным способом переосмысления и преобразования индивидуальной истории конкретного автора посредством диалога с его абстрактным читателем, где автор перекладывает свои ощущения и рецепции на образ своего читателя и тем самым получает метафизические ответы, отклики на свои высказывания. В данном случае происходит, скорее, не подмена событий или персоналий, но изменение отношения к ним, то есть к приобретаемому в процессе взаимодействия с ними герменевтическому опыту. Условность постоянства биографических персонажей в данном случае объясняется субъективностью восприятия человеком тех или иных объектов его индивидуальной реальности, поскольку они как герменевтические целостности, безусловно, являются также и герменевтическими событиями. Ограничением эмпирической составляющей биографического персонажа выступает совокупность точек соприкосновения реально существующих людей с герменевтическим кругом конкретного автора, что формирует в его сознании их очертания, подобные образам романских персонажей. Итогом такого постепенного формирования в сознании конкретного автора нового понимания собственной личной истории становится более целостное и позитивное восприятие собственного я, устранение угрозы потери личностной идентичности и/или успешное преодоление кризиса.

Таким образом, сложный по своей нарративной структуре автобиографический роман нарушает жанровый пакт, свой грамматически обусловленный договор с читателем, не столько чтобы запутать его, но чтобы помочь автору разобраться в беспорядке мыслей и суждений. Коммуникативная структура такого романа представляет собой поле боя, где автор сражается со своими внутренними врагами – различными объективациями самого себя. Он овеществляет их и подробно описывает для того, чтобы иметь возможность произвести структурный анализ собственной истории, а затем редактировать её в соответствии с собственными морально-нравственными и этическими установками. Иными словами, в автобиографическом романе наблюдаются процессы, обратные герменевтической дивинации: этапы поэтологической деконструкции, применённые не к тексту художественному, но в первую очередь к тексту бытийному. Обретая в ходе такой деконструкции интуитивную вневидимость собственному опыту, конкретный автор поглощается иллюзией объективности. Эта иллюзия порождает образ автора в его романе и определяет базовый коммуникативный принцип изложения, формируя пространство изображаемого мира. Все же положенные в основу такого рассказа биографические факты, противоречащие данной иллюзии, вытесняются в мир повествуемый и цитируемый в соответствии со степенью несоответствия. Таким образом, заключается парадигмально новый для жанра грамматический договор с читателем, согласно которому все суждения и спорные события, характеризующие повествуемые и цитируемые инстанции, должны рассматриваться как нетождественные автору, который освобождается от гнёта негативных оценок своих воображаемых читателей, главным из которых является он сам.

Список источников

1. **Адамс Г.** Воспитание Генри Адамса / пер. с англ. М. А. Шерешевской; послесл. А. Н. Николокина; коммент. В. Т. Олейника. М.: Прогресс, 1988. 752 с.
2. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: РИПОЛ классик, 1994. 617 с.
3. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. **Дильтей В.** Собрание сочинений: в 6-ти т. / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. 763 с.
5. **Лоренцер А.** Истинность психоаналитического познания. Историко-материалистический набросок / пер. с нем.; под науч. ред. С. Ф. Сироткина. Ижевск: ERGO, 2013. VIII+324 с.
6. **Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий** / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
7. **Рикёр П.** Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО КАМІ; Изд. центр "ACADEMIA", 1995. 160 с.
8. **Рикёр П.** Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2002. 624 с.
9. **Рушди С.** Джозеф Антон / пер. с англ. Л. Мотылёва, Д. Карельского. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 860 с.
10. **Философский энциклопедический словарь** / ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
11. **Фрейд А.** Психология «Я» и защитные механизмы. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 140 с.
12. **Фрейд З.** Художник и фантазирование / пер. с нем.; под ред. Р. Ф. Додельцева, К. М. Долгова. М.: Республика, 1995. 400 с.
13. **Хлебникова О. В.** Семиотические коды в философском тексте [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. Выпуск 2006. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-11.pdf> (дата обращения: 01.04.2019).
14. **Шмид В.** Нарратология. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 300 с.
15. **Элленберг Г. Ф.** Открытие бессознательного. История и эволюция динамической психиатрии: в 2-х т. / пер. с англ.; под ред. В. В. Зеленского. М.: Академический проект, 2018. Т. 1. От первобытных времён до психологического анализа. 550 с.
16. **Эрикссон Э.** Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 352 с.
17. **Adams H.** The Education of Henry Adams. Reissue edition. St. Ives: Oxford University Press, 2009. 560 p.
18. **Lejeune Ph.** Le pacte autobiographique. French edition. Seuil: French and European Publications, Inc., 1996. 383 p.
19. **Lubbock P.** The Craft of Fiction. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1921. 277 p.
20. **Rushdie S.** Joseph Anton: A Memoir. L.: Vintage Books, 2012. 636 p.
21. **Schleiermacher F.** Hermeneutik und Kritik mit besonderer Beziehung auf das Neue Testament. Berlin: G. Reimer, 1838. 418 S.

**NARRATIVE STRATEGIES OF AUTOBIOGRAPHICAL NOVELS IN THE THIRD PERSON
(BY THE MATERIAL OF "JOSEPH ANTON" BY S. RUSHDIE
AND "THE EDUCATION OF HENRY ADAMS" BY H. ADAMS)**

Gashkova Viktoriya Aleksandrovna
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
vifalex91@gmail.com

The article discusses the results of assessing the interrelation of the derivational structure of an autobiographical novel and the events of a particular author's biography, which led to his personality's formation. This structure depends directly on the moral and ethical attitudes of a particular author. The work is devoted to the currently topical problem of understanding not only the poetics and architectonics of a text, but also its psychology, according to dialectic of whole and particular. As a result, conclusions are made on the degree and principle of the influence of a particular author's psychology on the communicative structure of his autobiographical prose.

Key words and phrases: autobiographical "pact"; particular author; personal integrity; hermeneutic circle; subpersonality; S. Rushdie; H. Adams.